

ставлениями народа, хотя, разумеется, видоизмененным вводом позднейших мотивов.

По полноте охвата материала, по подбору текстов, по систематизации эта книга существенно превосходит остальные издания такого типа, хотя и учитывает их опыт. Вводная статья содержит широкий обзор народных представлений и верований и анализирует обусловленные ими мотивы и образы мифических песен.

Вышедшие тома серии «Болгарское народное творчество» характеризуются единством издательских принципов. О некоторых из них уже было сказано. Необходимо отметить также довольно широкое обращение составителей к архивам, что позволило ввести в научный оборот немало новых текстов. В частности, использованы архивы Г. С. Раковского, Болгарской Академии наук, Института музыки и др. Конечно, отбор из большого числа вариантов такого текста, который в наибольшей степени отвечал бы «антологическим» требованиям, — дело нелегкое. Со стороны подбора текстов работа составителей заслуживает весьма высокой оценки, и здесь могут быть сделаны лишь отдельные замечания. Так, сюжет «Рабыня и Стара Планина» представлен в томе «Исторических песен» тремя вариантами (стр. 219—221), и все они сравнительно кратки и не передают художественного богатства этого сюжета. В более полных текстах с удивительной силой раскрыты и переживания матери, вынужденной бросить своего ребенка в лесу, и безудержная жестокость поработителей, и глубокое сочувствие, которым охвачена вся природа. К тому же в полных версиях хорошо разработана и вторая часть сюжета — история спасения матери сыном, выросшим и нашедшим ее.

В рецензируемом сборнике эта вторая часть представлена в виде самостоятельной песни, и тоже взяты не наилучшие тексты (стр. 255—257). Недостаточно представлен в сборнике «Исторических песен» и круг произведений о борьбе болгар против насильственного отуречивания. Жаль, к примеру, что нет хрестоматийной песни о Янке, заточенной в темницу за отказ предать свою веру⁵.

Составители провели большую работу по редактированию текстов, по освобождению их от различных диалектизмов, которые уместны в научных изданиях, но чрезвычайно усложняют восприятие песен читателями-неспециалистами. Редактирование коснулось также старой орфографии. Выборочная проверка показала, что в некоторых случаях в тексты вносились мелкие поправки смыслового характера. К сожалению, ни объем, ни границы редактирования в издании достаточно обстоятельно не определены. Об этом стоит пожалеть, так как вопросы текстологии фольклорных изданий различных типов в настоящее время вызывают большой интерес у ученых ряда стран, и опыт болгарских фольклористов был бы здесь весьма полезен.

Хотелось бы отметить общий высокий уровень комментариев. В издательствах, выпускающих книги по народному творчеству для широкого читателя, существует нередко предубеждение против комментариев. Между тем памятники народного творчества только выигрывают в глазах любого читателя, когда они сопровождаются толково составленными и содержательными пояснениями и справочными данными. Болгарское издательство предоставило возможность составителям дать довольно обстоятельный исторический, источниковедческий, историко-фольклорный комментарий, привести ссылки на варианты (правда, последнее делается не всегда последовательно и не с той полнотой, какую бы хотелось видеть), на относящиеся к данной песне исследования и т. д.

В целом многотомное издание памятников болгарского народного поэтического творчества — как можно судить по первым четырем томам — послужит заметным вкладом в изучение и широкую популяризацию классического наследия славянского фольклора.

Б. Путилов

⁵ См., например, «Сборник за народни умотворения», кн. 46, стр. 96; там же — указание на многие варианты.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Нгуен Хонг Фонг, *Вьетнамская сельская община, Ханой, 1959, 296 стр.* (на вьетнамском яз.)

Этнографами Демократической Республики Вьетнам за последние годы опубликовано немало работ по социальной организации, быту и культуре вьетнамского народа. Среди них особое место занимает книга Нгуен Хонг Фонга «Вьетнамская сельская община», которая является первой публикацией на эту тему, написанной с позиций марксизма-ленинизма. До Августовской революции 1945 г. французские и вьетнамские буржуазные ученые издали ряд монографий и статей о вьетнамской сельской общине.

Эта общественно-экономическая ячейка рассматривалась ими как идеальная организация, сплоченная на основе коллективизма, демократизма, взаимовыгоды, как своего рода «государство в государстве», которое противостояло центральной власти в вопросах производства, администрации и духовной жизни. Но буржуазные авторы не смогли вскрыть классовую сущность этого института, проанализировать причины неизбежного разложения общины, несмотря на известную устойчивость ее в феодальную эпоху.

Нгуен Хонг Фонг обратился к сложным, нерешенным подчас вопросам социальной структуры вьетнамского общества с X в. до наших дней. Книга состоит из предисловия, введения, восьми глав и заключения.

Как указывает сам автор, его исследование не претендует на решение всех проблем, связанных с жизнью вьетнамского крестьянства. Он ограничил себя описанием общины с позиций этнографической науки. Но в этом как раз проявляется новаторство автора, впервые в зарубежной науке привлекающего обширный этнографический материал при изучении вьетнамской сельской общины. Это особенно ценно, если учесть, что подавляющее число работ о «ся» — вьетнамской общине — писали либо историки права, либо администраторы французской колониальной службы. Считая, что община в Южном Вьетнаме имела ряд специфических особенностей вследствие иных, по сравнению с давно освоенными вьетнамцами областями Бак-бо и Чун-бо, исторических, экономических и общественных условий, Нгуен Хонг Фонг посвящает свою книгу общине Северного и Центрального Вьетнама (стр. 5).

В кратком введении приведены основные теоретические положения об общине на различных этапах ее развития; там, где речь идет конкретно о вьетнамской сельской общине, автор пишет о существовании во Вьетнаме вплоть до Августовской революции 1945 г. следов сельской и родовой общины (стр. 14). Пережитки последней в социальной организации вьетнамской деревни заметны в религиозных воззрениях, обычаях и семейно-брачных отношениях.

В первой главе — «Феодальный строй во Вьетнаме и конг-дъен — конг-тхо» автор определяет сущность вьетнамского феодализма и дает его периодизацию. Оставляя в стороне малоизученный вопрос о генезисе феодализма во Вьетнаме в период господства над страной китайских династий, Нгуен Хонг Фонг начинает исследование со времени становления национальной централизованной монархии Динь (вторая половина X в.). Вьетнамский феодализм автор с достаточным основанием делит на два периода: расцвета (X—XIV вв.) и упадка, когда товарная экономика все сильнее подрывала основы натурального хозяйства, а страна была охвачена крестьянскими восстаниями.

Землевладение во Вьетнаме было основано на государственной собственности на землю в лице главы государства — вуа. Из четырех категорий земель автора интереснее прежде всего категория общинных земель — конг-дъен, по своему юридическому статусу являвшихся государственными, переданными крестьянам-общинникам на правах пользования. Нгуен Хонг Фонг, анализируя формы собственности, в частности императорские пожалования, приходит к правильному на наш взгляд выводу, что система конг-дъен — конг-тхо (пахотных общинных земель и прочих угодий) являлась особой формой феодальной земельной собственности до французской колонизации (добавим — и в процессе ее) (стр. 49).

Автор не дает специального разъяснения термина «общинное землевладение», но из всего контекста главы вытекает, что общинное землевладение являлось не чем иным, как землепользованием. Общины получали от государства для обработки участки земли, которые крестьяне периодически перераспределяли между собой. За пользование земель общинники должны были вносить государству налог. Общинное землевладение в форме конг-дъен — конг-тхо, как показывает автор, уходит своими корнями в первобытное общество; при феодализме оно было преобразовано и использовано правящим классом для эксплуатации крестьян, для кормления многочисленных чиновников (стр. 50). Поэтому не случаен строгий контроль со стороны государства в период его наивысшей централизации за основными сторонами жизнедеятельности общин. Форма землевладения конг-дъен — конг-тхо была главной в аграрном строе феодального Вьетнама, так как именно труд общинников на протяжении многих веков составлял основу существования феодально-абсолютистской монархии. Из этого вытекает аргументированный вывод автора, что «вследствие слабого развития товарной экономики феодально-чиновничье государство искало всяческие способы для поддержания и охраны общинного владения землей» (там же).

В заключении к первой главе автор замечает, что французские колонизаторы использовали сложившееся во Вьетнаме распределение земель и наряду с искусственным сохранением феодальных методов эксплуатации сохранили и общинное землевладение. Однако с развитием капиталистических отношений от него осталась лишь форма, лишенная первоначального содержания (стр. 60).

Следующая глава — «Собственность на землю во вьетнамской деревне в период господства французских колонизаторов» посвящена выяснению места и роли общинной земельной собственности среди других форм землевладения в колониальный период. На конкретном материале Нгуен Хонг Фонг показывает развитие капиталистических отношений в деревне, аграрную политику французских колониальных властей, направленную на превращение Вьетнама в сырьевой придаток метрополии. Категория земель конг-дъен в начале 30-х годов XX в. по отношению ко всем пахотным землям Вьетнама составляла: в Бак-бо — 20%, в Чун-бо — 25% и Нам-бо — 3%.

В зависимости от исторических и экономических условий в разных провинциях, уездах и деревнях размеры общинных земель были различны. Автор указал ряд причин сохранения общинного землевладения и колониальном Вьетнаме, хотя общая площадь конг-дён значительно сократилась. Если в течение сотен лет феодального развития Вьетнаме общинное землевладение определенным образом отвечало интересам крестьян, то с развитием капитализма, с концентрацией земель в руках французских и местных помещиков, общинные земли почти полностью перешли под контроль последних (автор употребляет выражение «монополизированы»). В этой обстановке формальное сохранение конг-дён было удобной формой для еще более жестокой эксплуатации вьетнамского крестьянства (стр. 69, 71).

Во второй части главы автор касается вопросов уравнительного перераспределения земель внутри общины и налогообложения. При общей положительной оценке приведенного им материала трудно согласиться с выводом, что «принцип уравнительного распределения общинной земли стал обычаем, проникшим в народ, который (обычай.— А. М.) имел силу традиции, и народ постоянно боролся за сохранение этого принципа» (стр. 77). Нам представляется, что крестьяне выступали против захватов помещиками общинных земель не ради сохранения того или иного обычая, а за свои исконные права на обработку этих земель.

В главе «Патриархально-родовой строй» Нгуен Хонг Фонг пишет о патриархальной семье, системе родства, положении женщины, брачных отношениях и «духе семейного коллективизма». Автор безусловно прав, полагая, что дать полную характеристику общины без анализа семьи, как основной социально-экономической ячейки общества, невозможно. Однако неверная посылка автора относительно происхождения патриархальной семьи привела его к ряду ошибок. В частности, не выдерживая критики попытка провести аналогию между патриархальной семьей и родом. Развивая эту мысль, на стр. 91 Нгуен Хонг Фонг даже пишет, что «если взять семью в количественном отношении, то число ее членов равнялось числу членов большого рода эпохи первобытного общества», доказательств чего, разумеется, трудно найти. Следует отметить чрезмерное увлечение автора «патриархальностью», а также слабое освещение роли семьи в общине.

Внутреннее устройство и управление общиной разобраны автором в четвертой главе — «Касты и административный аппарат общины». Нгуен Хонг Фонг употребляет неудачное выражение «касты», имея в виду социальные группы, составлявшие сельские общины: полноправных общинников-крестьян, лиц не входивших в состав общин, старейшин, чиновников в отставке, ученых и т. д. В разделе «Категории общинников» дано подробное описание различных групп общинников, раскрыта сложная система иерархии, на которой основывались взаимоотношения членов общин.

Очень интересен раздел «Управленческий аппарат общины». Читатель получает достаточно полное представление о структуре органов управления, совете старейшин, совете представителей семей, их функциях, правах и обязанностях по отношению к государству и общинникам. Нгуен Хонг Фонг подчеркивает классовую сущность руководящей верхушки деревни, являвшейся опорой феодально-абсолютистской власти, а позднее — французских колонизаторов.

Интересные сведения, в ряде случаев дополняющие опубликованные ранее, о быте и духовно-религиозной жизни, общественных работах и взаимопомощи, изложены в главах «Коллективизм общины» и «Организация и положение коллектива в общине». Автор правильно определяет исторические корни коллективизма, который «сложился в процессе совместного труда по обработке земли, основанию поселков и деревень» (стр. 158). Вместе с тем он показывает, как развитие товарной экономики приводит к резкому классовому расслоению внутри общин и появлению антагонистических групп в общинных коллективах. Немаловажную роль в сплочении общинников играл культ духа — покровителя деревни, сохранявшийся как пережиток первобытно-общинного мировоззрения в классовом обществе и используемый феодальным государством для эксплуатации крестьянства.

Каждый общинник, являясь членом деревенского коллектива, рассчитывал на его помощь и поддержку; положение каждого отдельного жителя влияло на состояние всей общины. «Из этого,— замечает Нгуен Хонг Фонг,— следовал не только контроль общины за ее членом, но она имела право „признания“ его в качестве общинника вообще, его прерогатив и функций в частности» (стр. 164). Обычай «признания» сопровождался угощением коллектива за счет «признаваемого».

Все эти обычаи Нгуен Хонг Фонг делит на две группы: 1) связанные с жизненным циклом человека (рождение, возмужалость, бракосочетание, старость и смерть) и 2) связанные с изменениями в общественном положении (сдача конкурсного экзамена, получение степени, должности и т. п.). Первую группу обычаев автор справедливо выводит из обрядов, имевших место в первобытном обществе, а вторую — из развитого феодального строя (стр. 165).

Обряды и празднества требовали больших материальных средств, непроизводительная трата которых ложилась тяжелым бременем на общинников, особенно на бедняков. Этим вопросам автор посвящает специальный раздел «Бедствия от общинных угощений в деревне» (стр. 77—182).

В шестой главе автор ставит и удачно решает вопросы, связанные с различными формами взаимопомощи. Нгуен Хонг Фонг различает три основных вида взаимопомощи:

моши: 1) объединения всех общинников для торговли, для проведения похорон и траурных церемоний, свадебных празднеств и увеселений, а также специально праздника «Тет» — Нового года; эти объединения основывались на принципе уравнительности (стр. 189); 2) объединения по профессиональному признаку (например, деревенские каменщики, кузнецы, столяры и т. п.); 3) группы взаимопомощи, созданные на базе «сословного превосходства», в которые входили лица, не выдержавшие конкурсных экзаменов — «ван фа», военные чиновники в отставке — «во фа», буддийские монахи и пр. «И если в последних, — пишет Нгуен Хонг Фонг, — немаловажную роль играл элемент тщеславия, то первые были вызваны к жизни стремлением простых общинников облегчить свое существование путем взаимной помощи в условиях феодально-бюрократического режима и строгой регламентации, пронизывавшей все вьетнамское общество» (стр. 192). В связи с этим нельзя не согласиться с общим выводом автора, что малоимущие крестьяне были связаны главным образом не духовными, а материальными интересами (там же). В начале XIX в. с ростом помещичьего землевладения и обнищанием основной массы крестьян государство учредило общественные амбары, куда общинники вносили 1/40 часть урожая риса, распределявшуюся среди населения во время голодовок. Автор подчеркивает классовую сущность этой специфической формы взаимопомощи, осуществлявшейся под контролем центральной власти с целью предоставить антифеодальные выступления (стр. 201).

В обширном разделе — «Условия жизни коллектива в общине» Нгуен Хонг Фонг особое место отводит описанию религиозных и общенародных праздников и сопровождающих их обрядов и церемоний. На конкретных примерах автор показывает живучесть и вред религиозных пережитков, с которыми в настоящее время Партия Трудящихся и правительство ДРВ ведут серьезную борьбу.

В заключительных главах — «Вьетнамская община в истории эволюции вьетнамского общества» и «Старые традиции в период социалистической революции» автор говорит о влиянии вьетнамской общины на развитие современного общества. Новым, а потому особенно интересным является материал об использовании партий и рабочим классом Вьетнама хороших традиций общинного коллективизма в процессе революционной борьбы против феодализма и империализма, а после создания Демократической Республики Вьетнам — в деле коллективизации крестьянства.

Книга Нгуен Хонг Фонга не лишена и существенных недостатков. Автор не показал, когда и каким образом возникает частная собственность на землю внутри общины, соотношение ее с общинным землевладением, пути и формы захвата конг-дён деревенской верхушкой. Не до конца выясненным остается вопрос о государственном управлении общиной и общинном самоуправлении. В целом автору следовало бы ярче отразить тот факт, что в условиях развития товарного хозяйства в феодальном Вьетнаме сельская община утратила свое первоначальное содержание и что господствующий класс стремился законсервировать общинные формы и традиции, при помощи которых было легче эксплуатировать трудящееся крестьянство. Возможно, что автор не обладает материалами, необходимыми для хотя бы частичного решения этих проблем. Будем надеяться, что в дальнейшем автор дополнит и исправит эту полезную книгу.

А. Мухлинов

Ц. Доржсүрэн. *Умард Хунну*, «*Studia archeologica instituti linguae, litterarum et historiae comitetti scientiarum et educationis altae reipublicae populi Mongoli*, tomus 1, fasciculus 5, Улан-Батор, 1961 (на монгольском яз.)

Осуществлена огромная роль, которую сыграли племена гуннов в политической и этнической истории Центральной и Средней Азии.

Интерес к гуннам, их истории и культуре впервые возникает более 2000 лет назад в Китае и вновь возрождается в XVIII в., когда внимание ученых привлекли проблемы кочевого мира Востока и его взаимоотношений с Западом. С тех пор написаны многочисленные работы, посвященные азиатским гуннам, или, как их называли китайцы, хунну (сюнну в современном произношении). Но до недавнего времени все эти исследования опирались главным образом на письменные источники.

Археологическое изучение Сибири открыло науке курганы и поселения хунну в Забайкалье, а исследования П. К. Козлова в Монголии сделали достоянием мировой науки погребения аристократии хунну в горах Ноин-ула и положили начало археологическому изучению памятников хунну в МНР. В первом исследовании, в котором были обобщены известные данные письменных источников и археологические материалы по хунну, А. Н. Бернштам ограничился главным образом материалами из Ноин-улы¹.

До последнего времени оставались совершенно не известными науке богатейшие материалы раскопок в Монголии, предпринятых Комитетом наук МНР в 1927 г. и

¹ А. Н. Бернштам, *Очерк истории гуннов*, Л., 1951.